

**КОНЦЕПТ ТРЕВОГИ
В РАБОТАХ ЛЭЙНГА**

**CONCEPT OF ANXIETY
IN THE WORKS BY LEING**

Аннотация. В представленной статье разбирается концепция тревоги, представленная в работах Р. Д. Лэйнга. Рассмотрены и проанализированы теории психологии мотиваций в связи с теорией экзистенциальной тревоги.

Ключевые слова: Лэйнг Р. Д., тревога, история психологии, психоанализ, экзистенциальная психология, клиническая психология.

Сведения об авторе: Кравцов Иван Сергеевич.

Место работы: аспирант кафедры общей и клинической психологии Пермского государственного университета.

Контактная информация: 614000, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
e-mail – chazky@mail.ru

Роланд Дэвид Лэйнг – психиатр и практикующий психоаналитик – считал себя наиболее обязанным экзистенциальной традиции в психологии. В качестве такового он очерчивает новую грань концепта экзистенциальной тревоги. Наиболее распространенным, «расхожим» способом притупления этого чувства тревоги, к которому прибегают люди – это бегство от самого себя, поглощенность безличным, «падение в люди» (das Man). В своей работе «Расколотое Я» Р. Лэйнг показывает, что потеря самости при определенных обстоятельствах высту-

Abstract. The given article deals with the concept of anxiety in the works by R. D. Leing. The author analyses and discusses theories of psychology of motivation in connection with the theory of existential anxiety.

Key words: R. D. Leing, anxiety, history of psychology, psychoanalysis, existential psychology, clinical psychology.

About the author: Ivan Sergeevich Kravtsov.

Place of employment: Post-graduate Student of the Chair of General and Clinical Psychology, Perm State University.

пает в качестве самостоятельного вида экзистенциальной тревоги.

Отметим, что сам Р. Лэйнг не осуществил этой историко-психологической рефлексии.

Р. Лэйнг формулирует новый концепт экзистенциальной тревоги в работе «Расколотое Я» [2]. В центре этого произведения «онтологически неуверенная личность», которую автор предлагает рассматривать в сфере «экзистенциально-онтологических оснований науки о личности». Речь идет о больных шизофренией, внутренний мир которых является непостижимым и хаотич-

ным только с нашей собственной точки зрения. Онтологическая неуверенность – это слабая рефлексия собственной самости, ощущение потери самости и одновременно рефлексия этой потери. Онтологически неуверенная личность ощущает себя специфическим образом. Она ощущает себя экзистенциально нереальной. Тело индивида, его социальное положение, его маска, его роль в малой социальной группе составляют набор персонификаций для онтологически уверенной личности. Последнюю ничуть не травмирует такое насильственное в экзистенциальном отношении положение самой себя, когда в отношении с другим она обнаруживает «его господство и свое рабство» [6]. За масками и ролями онтологически неуверенная личность теряет ощущение самости; психотические симптомы, которые диагностируют психиатры-клиницисты – это своеобразный протест индивида такому экзистенциальному насилию, чинимому в отношении него другими. Трагедия и деструктивность этой формы протеста в том, что онтологически неуверенная личность также одновременно теряет и связь с самим собой. Она противится тому, чтобы носить личину, но одновременно не может сформировать самость.

С нашей точки зрения, Лэйнг-говский концепт онтологической неуверенности – это не спекулятивный конструкт, но вполне объективная, поддающаяся наблюдению психологическая реальность. Если

выражаться обыденным языком, то человек протестует против того, чтобы его близкие манипулировали им. Но в этом протесте он вступает в конфронтацию не с чем иным, как с массовым сознанием, «культурой», безличным. Работы Р. Лэйнга позволяют посмотреть на этот философский вопрос из области «я и другие» как на реальную социально-психологическую и даже политическую проблему. Эта проблема именно социально-психологическая, так как речь идет о психологических процессах, протекающих в социальных группах (в основном в малых) и именно политическая, так как репрессия оппозиции большинством есть не что иное, как политический акт.

Р. Лэйнг считает, что в интеракции социальных групп, малых групп в особенности, имеет место «насилие, именуемое любовью» [3, 4]. Лэйнг называет такую группу цепью (nexus). Будучи включенным в такую группу индивид получает «в подарок» набор непрошенных обязательств. Он становится обязан быть для них тем, что они хотят из него сделать. В противном случае он рискует оказаться объектом репрессий. Его близкие могут заявить, что он причинил им обиду, что он плохой (асоциальный) и, если они не хотят разбираться в экзистенциальных мотивах его поведения (а они всегда не хотят), они могут начать пытаться «вылечить» его. Таким образом, процессы социальной перцепции и интеракции становятся

политическим актом, и психиатрия превращается в не что иное, как в аппарат репрессий. Для участников цепи, репрессирующих свое слабое звено, это весьма удобная позиция, которая позволяет им больше не обвинять его и не оправдывать себя, а верить в то, что репрессия, которую они осуществляют, в действительности является актом любви. Таким образом, индивид осознает, что «друзья» или «родные» хотят манипулировать им; он отказывается быть объектом манипуляций, и это действие закладывает начало процессу конфронтации начал его самости с безличным началом культуры. Его поведение оценивается окружающими как противоречащее здравому смыслу, асоциальное и, более того, некультурное, так как манипуляции являются частью нашей культуры и отказ быть им подверженным расценивается как невоспитанность. Более того, правовые нормы социума фактически узаконивают определенные виды манипулятивного поведения и отказ от них означает фактическое нарушение законодательства. Личность с низким порогом онтологической уверенности осознает это положение и не может согласиться с ним, пытаясь сопротивляться. Но так как те, против кого в практическом, поведенческом измерении направлено сопротивление являются фигурами одновременно уважаемыми или даже любимыми онтологически неуверенной личностью, она вступает в конфликт не только с окружением, но и

с самой собой. Для онтологически неуверенной личности состояние, диагностируемое психиатрами-клиницистами как шизофрения, является своеобразным аварийным выходом из такого положения.

Лэйнг называет ситуацию, когда человек не может противостоять манипуляциям со стороны своих близких «безвыигрышной». Это когнитивная ситуация, когда безумие фактически внушается индивиду посредством определенных суггестивных факторов. Никто и ничто, кроме личной совести, не является гарантом правоты индивида. Близкие образуют собой враждебную силу, которая подавляет индивида, называя свое насилие любовью. Ему внушается, что он ведет себя плохо и невоспитанно, и индивид оказывается в безвыигрышной ситуации экзистенциального выбора, кому верить: зову своей совести, зовущей самость, или суггестивному воздействию авторитетов и безличного.

Онтологически неуверенная личность боится как отойти к собственной самости, так и отказаться от нее, включившись в безличное. Лэйнг описывает три грани тревоги, сопровождающей процесс, который сам является средством психологической защиты от экзистенциальной тревоги – существование в модусе неподлинности [8], включенность в безличное. Итак, онтологически неуверенный индивид испытывает три вида тревоги потери себя: «поглощение», «разрывание» и «окаменение».

Поглощение. «Поглощение ощущается, как риск быть понятым (то есть постигнутым, достигнутым, схваченным), быть любимым или даже просто быть увиденным» [2].

Разрывание. Онтологически неуверенный индивид может ощущать себя в качестве вакуума; реальность в свою очередь ощущается им наподобие газа, который может вторгнуться в вакуум, разорвав его.

Окаменение. Окаменение является мифологическим прототипом особой формы ужаса, вследствие которого можно превратиться в камень. На уровне межличностного общения это означает пониматься другим в качестве вещи, объекта.

Онтологически неуверенные личности переживают себя как расщепленные на разум и тело; причем себя они отождествляют с чистым разумом, ощущая отрыв от собственного тела. Онтологически неуверенная личность переживает себя в качестве «невоплощенного я» (unembodied self), она ощущает себя в качестве некоего бестелесного начала, чистого разума, оторванного от тела и наблюдающего за ним. Факт существования личности в таком состоянии говорит о том, что свою среду она воспринимает, как подавляющую ее подлинное я. Фактически все ситуации обычного, нереплексивного межличностного общения, которыми насыщена жизнь современного общества, выступают для индивида в качестве лишения экзистенциальной свободы. Феномены переноса, стереотипного вос-

приятия, ролевого общения и взаимодействия выступают в качестве основного состава телесного бытия индивида. Они превращают его в вещь, объективируют, и онтологически неуверенная личность, сопротивляясь такому лишению экзистенциальной свободы, начинает отождествлять себя со своим бестелесным, внутренним я; начинает существовать в качестве невоплощенной. Таким образом, я индивида становится расколотым на невоплощенную часть, с которой он себя отождествляет, и воплощенную, от которой он отчужден. При этом самость индивида остается не сконструированной, и он продолжает существовать в состоянии тяжелого внутриличностного конфликта. Парадокс этого конфликта заключается в том, что с помощью защитных маневров, которыми индивид стремится сохранить себя, он еще больше себя теряет.

Жить сообразно своей философии асоциально и часто даже преступно. Онтологически неуверенный индивид ощущает страх перед репрессиями, которые он ожидает в ответ на воплощение своего я. Чтобы защититься от этого страха, он прибегает к очередной форме защиты: созданию ложного я.

Онтологически неуверенный индивид не может воплотиться, и то, что он представляет из себя для других, является его ложным я. Воплощение истинного я, которое для себя и для других индивида стало бы тождественно, невозможно; т. е. его

истинного *я* не существует в объективной реальности; поэтому индивид начинает считать свое ложное *я* несуществующим, а мир, в котором оно пребывает, нереальным.

Таким образом, расколотое *я* – это индивид, чье существование пронизано специфическим видом тревоги. Это тревога вступать в объективирующие и овеществляющие отношения с другими, существовать в модусе неподлинности [8]. Для обычного, «нормального» индивида такая ситуация не является тревожной и травмирующей, он отказывается от собственной самости и экзистирует в модусе неподлинности [8], для того чтобы бороться с экзистенциальной тревогой [7, 8]. Онтологически неуверенная личность существует в состоянии раскола, когда она боится существовать в качестве вещи в глазах окружающих, но и боится также освободиться из сети их манипуляций, воплотить свое *я*.

Постановка проблемы воплощения самости (подлинного *я*) – логичекый вывод Лэйнговской теории личности. Воплощение самости выступает в качестве объяснительного концепта определенных видов индивидуального и социального поведения, которые Роланд Лэйнг мог наблюдать воочию как современник тех исторических событий, современником которых он был.

Речь идет о левом движении европейской молодежи, разгоревшемся в середине шестидесятых и постепенно угаснувшем к концу

девяностых годов двадцатого века. Европейская левая молодежь вписывалась в рамки мирового левого движения идеологически, но не вписывалась психологически. То есть у европейских левых были другие мотивы для ухода в политический радикализм, нежели у левых латиноамериканцев, вьетнамцев или арабов. В начале июня 1967 года Роланд Лэйнг вместе со своим коллегой и соавтором по ряду работ Дэвидом Купером организуют в Лондоне конгресс под названием «Диалектика освобождения». Среди докладчиков такие именитые левые философы, психологи и социологи, как Гудмен, Бэйтсон, Голдмэн и Герберт Маркузе. Одновременно на конгресс съезжаются молодые левые интеллектуалы и идеологи из Америки и Европы. Примерно в это время (2 июня) в Берлине студенты из ССНС (социалистического союза немецких студентов) проводят митинг, на котором выстрелом в спину «в порядке необходимой обороны» полицейский убивает одного из студентов; а через три года именем «Движением второго июня» назовет себя одна из экстремистских левых организаций. В это же время по Европе разъезжает, координируя работу международной сети левых «городских герильерос», неуловимый «террорист №1» Ильич Рамирес Санчес по прозвищу Карлос; сын миллионера, свободно говорящий на четырех языках. Жан Поль Сартр начинает выступать перед левыми студентами в Париже, подготавли-

вая события «красного мая» 1968 года. Успешная немецкая журналистка Ульрика Майнхоф устает от «джихада пера» и начинает подумывать о «джихаде меча»; она сжигает свою восьмикомнатную квартиру в центре западного Берлина и заключает, что «никакое оружие критики не заменит критики оружием». Члены ССНС, студентка педагогического университета Гудрун Энслин и ее друг Андреас Баадер, участвуют в кампании против исправительных детских домов. В заключение этой кампании они открывают приют для сирот. Через год они разочаровываются в тактике ненасилия и совершают поджог универмага, что служит им в качестве символа, объявляющего войну обществу потребления. На судебный процесс по делу о поджоге универмага приходит журналистка Ульрика Майнхоф и знакомится там с адвокатом Хорстом Малером. Еще через два года Ульрика Майнхоф, Хорст Малер, Гудрун Энслин и Андреас Баадер создают Фракцию Красной Армии и объявляют партизанскую войну «системе». Через два года (в 1972 году) похожие организации создаются в Италии (Красные Бригады) и Бельгии (Антиимпериалистические ячейки), а через четыре (в 1974-м) – во Франции (Прямое действие). Другая часть левого движения, считающая вооруженную борьбу «ненормальной», полагает, что спасение от репрессивной реальности заключается в уходе от этой реальности в реальность аль-

тернативную с помощью экспериментов с наркотиками и галлюциногенам. Роланд Лэйнг думает примерно так же, но наркотикам он предпочитает восточные эзотерические практики, буддийскую медитацию, которая является актом воли направленным против воли, не воплощением собственного я, а наоборот, волевым отказом от я [2, 3, 4].

Эта историческая картина является, на наш взгляд, весьма удачным перенесением абстрактного концепта «воплощения я» в сферу того, что можно пронаблюдать – в сферу поведения. Философия здесь превращается в политику, а воплощение я выступает в качестве такого политического действия. Нам недоступны здесь точные данные для того, чтобы вывести строго обоснованные заключения о поведении людей этой эпохи, мы можем последовать примеру «классиков» психиатрии и клинической психологии, которых критиковал Роланд Лэйнг, и назвать его самого вместе с движением его эпохи, в которое он был включен, «революцией помешанных» (Р. Грессарт-Матичек). Либо мы можем допустить, что для многих людей (как для тех, которым был поставлен диагноз «шизофрения» и которых описывал Р. Лэйнг, так и для тех, кто похож на шизофреника только своей непонятностью) характерна потребность воплотить свое я и избавиться от включенности в определенные социальные отношения, которая тревожит.

Литература

1. Кенен, Г. Веспер Энслин Баадер / Г. Кеннен. – М. : Ультракультура, 2004.
2. Лэйнг, Р. Расколотое Я / Р. Лэйнг. – Спб. : Белый кролик, 1995.
3. Лэйнг, Р. Феноменология переживания / Р. Лэйнг. – Львов : Инициатива, 2005.
4. Лэйнг, Р. Я и Другие / Р. Лэйнг. – М. : Эксмо, 1997.
5. Майнхоф, У. От протеста к сопротивлению / У. Майнхоф. – М. : 2007.
6. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто / Ж. П. Сартр. – М. : Республика, 2000.
7. Тиллих, П. Избранное / П. Тиллих. – М. : Юрист, 1995.
8. Хайдеггер, М. Бытие и Время / М. Хайдеггер. – СПб. : Наука, 2002.
9. Demaris O. Brothers in blood / O. Demairs. – N. Y. : Charles Scribner's sons, 1977.